

DOI 10.15593/perm.kipf/2017.4.04

УДК 101.1:111

А.Ю. Внутских, Н.И. Береснева

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ КАК ПРОБЛЕМА МЕТАФИЗИКИ ИСКУССТВА¹

Авторы полагают, что выявление форматов и социокультурных условий продуктивного взаимодействия художественной литературы и философии является важной задачей метафизики искусства. И философия и литература стремятся освоить процесс трансцендирования, однако делают это по-разному: философия в рациональных формах, обосновывая мысль, художественная литература в формах иррациональных, внушая чувство. Однако общий корень этих явлений проявляется в том, что в определенных социокультурных условиях художественная литература оказывается весьма удобным форматом для выдающихся философов. Исследуется феномен философствования в русской художественной литературе, в том числе случай детской литературы как носителя философских идей в досоветский и советский периоды. Авторами высказывается и обосновывается гипотеза о том, что одним из допустимых в условиях советского периода форматов развития свободного философского мышления могла быть литература для детей. На материале сказочной детской прозы советского периода показано, что этот формат позволял достаточно свободно реализовывать важнейшие функции философии: мировоззренческую, воспитательную, аксиологическую, критическую, прогностическую. Советские детские писатели сумели убедительно показать как проблемный характер общества «развитого социализма», так и наметить конструктивную программу выхода из глобального общественного кризиса в условиях, когда возвращение к традиционному обществу исключено, а развитое индустриальное общество не снимает проблему отчуждения между индивидами и социальными группами. Суть этой программы – в реализации «нового союза» человека с природой и техникой. С одной стороны, человечество должно «повзрослеть», укротив крайние проявления общественных антагонизмов. С другой стороны, для этого нужна высокоразвитая техника и технически преобразованная природа – но преобразованная со знанием дела, а потому гармонично, без нарушения ее законов, ведущего к катастрофической деградации как природы, так и человека. Работа представляет интерес и практическую ценность для ученых-гуманитариев, изучающих советский и постсоветский период развития русской литературы и философии.

Ключевые слова: философия, художественная литература, детская литература как проводник философских идей, технологический детерминизм, границы технологического детерминизма, кризис развитого индустриального общества, «новый союз» человека, техники и природы.

A.Yu. Vnutskikh, N.I. Beresneva

INTERACTION OF PHILOSOPHY AND FICTION AS THE PROBLEM OF METAPHYSICS OF ART

The authors suggest that detection of character and sociocultural conditions for efficient interaction between fiction and philosophy is an important task of the metaphysics of art. Both philosophy and literature aspire to master the process of transcending. However, they do it in different ways: philosophy does it in rational forms, in the forms of justifying thought, while fiction - in irrational forms, in the forms of inspiring feeling. At the same time, the common roots of these phenomena are manifested in the fact that fiction appears to be very suitable for prominent philosophers in some sociocultural conditions. Phenomenon of philosophizing in Russian fiction including infantile literature as the bearer of philosophical ideas in the pre-Soviet and Soviet periods has been analyzed in the article. The authors propose and substantiate the hypothesis that infantile literature could be one of allowable forms of free philosophic thinking in conditions of the Soviet period. It has been shown that infantile fairy tales of the Soviet period made possible to realize the most important functions of philosophy freely enough. Those functions included: world outlook, educational, axiological, critical and prognostic. Soviet writers were able to bring out clearly both the problem nature of “developed socialism” community and to lay down constructive program for way out of global social crisis in conditions when return to traditional society is not possible while developed industrial community eliminate the problem of individuals’ and social groups’ estrangement. The corresponding program of

© Внутских Александр Юрьевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и права, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: fsf-nir@yandex.ru.

Береснева Наталья Ириковна – доктор философских наук, доцент, декан философско-социологического факультета, ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», e-mail: philosophy-psu@mail.ru.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ “Мультимодальная проекция гносеологического процесса”, № 16-13-59006.

Soviet writers is based on the realization of the «new alliance» between mankind, nature and technology. On the one hand, mankind has to «grow up» and to reduce extreme manifestations of social antagonisms. On the other hand, this alliance requires highly developed technology and technically transformed nature but this transformation should be fulfilled in the harmony with its laws. Otherwise, it may take place catastrophic degradation of both nature and man. The article has practical interest and value for the scientists studying the development of Russian literature and philosophy in the Soviet and post-Soviet periods.

Keywords: philosophy; fiction; infantile literature as the guide of philosophy; technological determinism; limits of technological determinism; crisis of developed industrial society; «new alliance» of man, nature and technology.

Центральный вопрос нашего исследования – как, в каких форматах и в каких социокультурных условиях возможно продуктивное взаимодействие художественной литературы и философии. Эта проблема представляется весьма актуальной для метафизики искусства уже потому, что «философия может быть уподоблена попытке концептуализации процесса и факта человеческого бытия как трансцендирования – путем <...> слова... Изначальным способом трансцендирования была первобытная магия, сегодня сохранившаяся <...> как литература – магия слова. Неизгладимый след, который оставила в философии литература, не ограничен только историей формирования философии. Философия – всегда на пути от мифа к логосу и обратно» [1, с. 75]. Действительно, если полагать «Одиссею» и «Илиаду» первыми произведениями художественной литературы, то можно сказать, что литература исторически предшествовала появлению философии, хотя совсем ненамного. Во всяком случае, и литература и философия, по-видимому, были продуктом одной социокультурной эпохи; показательно, что первые философские тексты писались стихами (например, поэтическую форму философских текстов приписывают Фалесу), а более поздние античные авторы всерьез рассматривали возможность отнесения к числу древнейших древнегреческих философов – «семи мудрецов» – легендарного поэта и певца Орфея [2].

И во все последующие эпохи художественная литература оставалась тесно связанной с философией. Дело в том, что философия, будучи рациональным размышлением над вопросами о человеке и его месте в мире, «всегда стремилась оставаться понятной и интересной для широкого круга людей, т.е. стремилась быть в какой-то мере литературой» [1, с. 61]. То есть в качестве науки или по крайней мере небезуспешной попытки бытийствовать в качестве науки философия предлагает *так или иначе обоснованную мысль*, а в качестве литературы («литературной философии», по А.Л. Никифорову) она *внушает чувство*.

Нобелевская премия за достижения в области философии не присуждается. Но есть Нобелевская премия за достижения в области литературы – и общепризнанные в качестве крупных философов XX века А. Бергсон, Б. Рассел, А. Камю, Ж.-П. Сартр ее действительно получили. Рассел был в равной степени одарен и как «научный» (аналитический), и как «литературный» философ. Бергсона – представителя «философии жизни» – и испытавших его влияние экзистенциалистов Камю и Сартра можно скорее отнести к представителям «литературной философии». Вообще, экзистенциализм – это одно из немногих философских направлений, добившееся действительно массового общественного признания. И произошло это именно потому, что в силу важности для экзистенциализма художественного метода наиболее адекватными жанрами для него всегда были беллетристика и публицистика, которые нашли своих многочисленных читателей [3].

В данном случае мы имеем дело с философами, осуществляющими движение к литературе, «от логоса к мифу». Однако возможен и обратный вектор – от литературы к философии. Так, философское осмысление мира писателями очень характерно для «литературоцентричной» культуры России. Общеизвестным фактом является то обстоятельство, что на Западе ряд крупнейших русских писателей знают именно как философов, причем отечественные философы в более строгом смысле слова – как представители собственно философского сообщест-

ва и досоветского и советского периода – там в целом малоизвестны. В России «философская рефлексия... была очень литературной, очень зависимой от литературы. Поэтому у нас не было жесткого разделения, разрыва, который характерен для западного общества. Не получились две равные области, которые могли бы даже конкурировать» [4].

Истоки философствующей литературы в России можно проследить от начала XIX века, когда реакция, последовавшая за восстанием декабристов, имела своим следствием «выдавливание» философии из университетских аудиторий в многочисленные кружки, возникавшие в Петербурге и Москве, в публицистику и литературу [5]. Именно этот период в истории русского идейного развития и дал великих русских писателей, известных культурной публике Запада в качестве философов. Да и мы – читающая российская публика – часто говорим: «философия Толстого», «философия Достоевского», таким образом подтверждая их право выражать философские идеи.

Неотъемлемой частью художественной литературы является *детская литература*, которая служит важным каналом социализации. В детско-подростковой русской литературе философия прижилась далеко не сразу. В рамках досоветского периода известный историк детской литературы И. Арзамасцева называет только В. Одоевского [6]. Политическая ситуация и идеология в 1920–1940-х годах требовали от советских литераторов срочного формирования «нового человека» – причем человека или уже взрослого, или по крайней мере стремительно взрослеющего, способного практически, без отвлечения на философскую рефлекссию включиться либо в мирное социалистическое строительство, либо в защиту социалистических завоеваний с оружием в руках. Своеобразным ответом на «мобилизационную» ситуацию в литературе для взрослых стала «миграция» философски мыслящих писателей советского периода в детскую литературу и литературу о природе. Результатом этой «миграции» стал «золотой век» детской литературы в СССР в конце 1940–1960-х годах.

Прекрасным примером проведения философской идеи в области детской литературы советского периода можно считать знаменитую трилогию Н. Носова «Приключения Незнайки и его друзей» (1953–1954), «Незнайка в Солнечном городе» (1958) и «Незнайка на Луне» (1964–1965) [7, 8, 9]. Носов не только преподносит маленьким читателям обширный материал из различных областей науки и техники, искусства, не только ставит морально-этические вопросы. Трилогия Носова о маленьких антропоморфных существах – коротышках вполне может рассматриваться как популярное, но при этом блестящее по художественной форме изложение базовых принципов материалистической социальной философии и политэкономии. А при внимательном прочтении этих книг очевидным становится и реализация Носовым критической и прогностической функций философии.

В оптике эволюции концепций общественного развития первая книга может быть прочитана как утопия традиционного общества, присваивающего производства и натурального обмена в духе Ж.-Ж. Руссо с существенным акцентом на проблематике гендера и толерантности (и это в то время, когда к этой проблематике всерьез не обращались не только советские философы, но и мыслители Запада). Вторая книга – это описание технократического социализма, основанного на принципах бестоварного автоматизированного производства. Существенная часть третьей книги – капиталистическая антиутопия, художественное изложение политэкономии капитализма.

Развивается, усложняется общество, описываемое в книгах Носова, – усложняется и сам язык этих книг, рассчитанных на детей более старших возрастов. Вне зависимости от того, какую часть трилогии о Незнайке мы откроем, очевидным будет то обстоятельство, что Но-

сов, каждый раз как бы «примериваясь» к возрасту своей целевой аудитории, по-новому ставит подлинно философские, «вечные» и совсем «недетские» вопросы: о сущности человека, о соотношении личности и общества, человека и техники, о добре и зле, о противоречии долга и совести, об общественном прогрессе, его цене и вызовах с ним связанных.

Остановимся, например, на подмеченной Носовым неожиданной хрупкости «развитого социализма» (вторая книга), как будто бы неуязвимо для любых вызовов под технико-технологической «броней». Главная локализация второй книги трилогии – Солнечный город – потому так и назван его обитателями, что все силы природы, включая погодные условия, познаны и полностью контролируются. Автоматизированное материальное производство и плановое хозяйство обеспечивают изобилие, огромный объем используемого на творчество свободного времени и даже способны (хотя и с немалыми затруднениями) реагировать на непредсказуемые колебания потребительского спроса без обращения к товарно-денежному обмену и рыночному механизму. Однако оказывается достаточно вмешательства трех бывших ослов, превращенных Незнайкой в людей, чтобы привести эту систему в хаос. Практически мгновенно в Солнечный город возвращаются хамство, агрессия, воровство, деградирует художественная культура. Парадоксально, но единственным способом борьбы с этими «природными ветрогонами» и их многочисленными «культурно инфицированными» последователями оказывается чтение нотаций и заключение под арест, из-под которого их вскоре выпускают сами же милиционеры, не выдерживающие мук совести. Дело доходит до того, что трое гостей из Цветочного города понимают – им будет лучше в традиционном обществе Цветочного города, нежели в общественном хаосе города Солнечного. Спасает это общество только *чудо*, совершаемое по просьбе Незнайки кстати появившимся волшебником, который когда-то дал главному герою волшебную палочку с наказом «вести себя хорошо».

Показательно, что все технические способы борьбы с «ветрогонами» («пешеходный радиолокатор», «надувное пальто») также оказываются малопримлемыми. В этом смысле Н. Носов оказывается прозорливее не только философов, мыслящих с позиций технологического детерминизма, но и многих своих последователей, создателей литературы для детей и юношества советского периода. Ведь в конечном счете дело не в машине. *Дело – в человеке, в отношениях между людьми*. Наука и техника дали человеку сказочную мощь, сопоставимую с мощью волшебной палочки Незнайки. Но *кто и для чего* эту мощь применяет? Оказывается, что применяет ее коротышка – т.е. маленький, незрелый, еще «не набивший шишек» в ходе взросления человек.

Здесь, наверное, и содержится суть диагноза, определяющего характер болезни как общества сказочного Солнечного города, так и вполне реального общества развитого социализма, с поразительной легкостью отдавшего все свои завоевания. Диагноз этот состоит в явно недостаточной зрелости человека, недостаточной развитости общественных отношений, «концентратом» которых, по К. Марксу, и является каждый индивид. По-видимому, научным образом познавая мир и создавая на основе этих знаний технику, *люди должны опережающими темпами производить свою собственную сущность, создавать самих себя, создавать человеческую жизнь не только в ее экономических и научно-технических проявлениях, но и во всех прочих, неразрывно связанных друг с другом*. В противном случае «срыв» истории весьма вероятен. Похоже, что для Носова содержание этого вызова, с которым столкнулось советское общество в начале 90-х годов XX века, было очевидно уже в 50-х – т.е. в тот период, когда отечественные *философы* об этом или еще не догадывались, или, по крайней мере открыто, не говорили.

Говоря о реализации критической и прогностической функции философии в форме художественных произведений Носова, можно вспомнить и ряд его поразительно точных более частных прогнозов, опережающих время на десятилетия: от настенных телевизоров, автоматов-пылесосов и технической телепатии до ряда черт художественной культуры постмодерна, игровой зависимости и издержек толерантности [8, с. 337, 356–357].

Вместе с тем Носов – сын своего времени, и его книги являются «сколком» эпохи со всеми ее достижениями и ограниченностями. Например, экологическая проблема не получила серьезного освещения ни в одной из его книг, хотя изданный в 1953 году роман Л. Леонова «Русский лес» уже открыл традицию «художественной экологии» в советской литературе [10]. Скорее, Носов делает акцент на «гигантизме» природы периода традиционного общества, что и дает возможность реализовать присваивающий способ хозяйствования, а также на ее скудости, ее отчужденном от человека характере при капитализме и на ее «прирученном», подконтрольном характере в эпоху социализма. Похоже, Носов в этом отношении стоит все-таки на scientistic и технократических позициях, полагая, что если без зрелого человека наука и техника точно «не справятся» с возможными противоречиями индивида и общества, то противоречия общества с природой они способны разрешить вполне. Примечательно, что этот серьезный пробел в художественно-философском мире Н. Носова счел нужным заполнить его внук – автор экологической сказки «Путешествие Незнайки в Каменный город» [11].

Где же выход, в чем рецепт решения общественных проблем, которые столь прозорливо определил Н. Носов? Залог этого решения, по мнению Носова, во-первых, в объективно существующем единстве человеческого рода, показанном не только на материале «межгендерного мира», которым заканчивается первая книга трилогии, не только в форме замечательного, снимающего последние следы отчуждения «праздника рукавичек», которым завершается книга вторая. Даже в условиях раздираемого антагонистическими противоречиями лунного капиталистического общества, в которое вторгается «земной десант», чтобы осуществить не лишнюю насильственной формы, но все-таки бескровную революцию, перед нами оказываются коротышки того же, что и коротышки земные, антропологического типа, не испытывающие никаких проблем в коммуникации с маленькими землянами.

Во-вторых, решение общественных проблем Носов видит в реализации «нового союза» человека с природой и техникой. Последняя часть трилогии Н. Носова не случайно завершается возвращением умирающего после лунных капиталистических злоключений Незнайки к родной земной природе, которая его чудесным образом исцеляет. Но, в отличие от мнения Л. Абдель-Рахима – известного современного исследователя наследия Носова с энвайронменталистских позиций [12] – мы полагаем, что интерпретировать этот образ можно не только как едва ли возможное в действительности восстановление единства архаического человека и девственной природы, как возвращение к ней ее «заблудшего сына». Нет, на наш взгляд, Носов отчетливо осознавал, что ни этого человека, ни этой природы после «искушения индустриализмом» уже не существует. Скорее, заключительная книга трилогии завершается описанием союза между «выросшим», зрелым, укротившим общественные антагонизмы человеком, с одной стороны, и технически преобразованной природой – но преобразованной со знанием дела, а потому гармонично, без нарушения ее законов, ведущей к деградации и природы и человека – с другой [9, с. 388–402, 428–440]. Советский философствующий писатель Носов верил в общественный прогресс, и у него была конструктивная программа. Может ли она быть у нас?...

В качестве выводов отметим, что философское осмысление действительности в литературе, особенно в русской литературе в силу «литературоцентричности» отечественной

культуры, имеет давнюю и весьма богатую историю. При этом литература в России неоднократно оказывалась «рефугиумом» для философски мыслящих людей. В советский период отечественная философия в блестящих по художественной форме произведениях сумела освоить, казалось бы, столь нетипичный для нее формат литературы детско-юношеской. Можно убедительно доказать, что в ходе этого освоения были реализованы некоторые ключевые функции философствования: мировоззренческая, воспитательная, аксиологическая, критическая, прогностическая. Дальнейшее исследование связи литературы и философии представляется весьма многообещающим в силу определенной «философичности» ряда достаточно популярных текстов «пост-современности».

Список литературы

1. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы круглого стола) // Вопросы философии. – 2009. – С. 56–96.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов [Электронный ресурс]. – URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000279/st000.shtml> (дата обращения: 1.10.2017.)
3. Колесников А.С. Философия и литература: современный дискурс // История философии, культура и мировоззрение. Сер. «Мыслители». Вып. 3. К 60-летию профессора А.С. Колесникова / С.-Петерб. филос. общество. – СПб., 2000. – С. 8–36.
4. Философия и литература. Лекция Валерия Подороги, прочитанная 24 марта 2005 года в клубе – литературном кафе Bilingua в рамках проекта «Публичные лекции «Полит.ру» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/lectures/2006/07/28/podoroga.html> (дата обращения 1.12.2009).
5. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: в 3 т. – М.: Терра, 1997. – Т. 1. – 416 с.
6. Арзамасцева И. Русская книга для «маленького Сенеки»: заметки историка детской литературы [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/ar12.html> (дата обращения 1.08.2017).
7. Носов Н.Н. Приключения Незнайки и его друзей // Н.Н. Носов Собрание сочинений в 4 т. – М.: Детская литература, 1980. – Т. 2. – С. 5–150.
8. Носов Н.Н. Незнайка в Солнечном городе // Н.Н. Носов Собрание сочинений в 4 т. – М.: Детская литература, 1980. – Т. 2. – С. 151–410.
9. Носов Н.Н. Незнайка на Луне // Н.Н. Носов. Собрание сочинений в 4 т.— М.: Детская литература, 1981. – Т. 3. – 463 с.
10. Леонов Л.М. Русский лес. – М.: Советский писатель, 1955. – 768 с.
11. Носов И. Путешествие Незнайки в Каменный город [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=135341> (дата обращения: 1.08.2017).
12. AbdelRahim L. Children's Literature, Domestication and Social Foundation: Narratives of Civilization and Wilderness (Routledge Interdisciplinary Perspectives on Literature). – N.Y. – L.: Routledge, 2015. – 264 p.

References

1. Filosofia i literatura: problemele vzaimnykh otnoshenii (materialy kruglogo stola) [Philosophy and literature: problems of mutual relations (materials of the round table)]. *Voprosy filosofii*, 2009, pp. 56–96.
2. Diogenes Laertius. O zhizni, ucheniiakh i izrecheniiakh znamenitykh filosofov [The lives and opinions of eminent philosophers], available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000279/st000.shtml> (accessed 1 October 2017).

3. Kolesnikov A.S. *Filosofii i literatura: sovremennyi diskurs* [Philosophy and literature: modern discourse]. *Istoriia filosofii, kul'tura i mirovozzrenie. Seriia «Mysliteli», K 60-letiiu professora A.S. Kolesnikova*. Saint Petersburg, 2000, iss. 3, pp. 8–36.
4. *Filosofii i literatura. Lektsiia Valeriia Podorogi, pročitannaia 24 marta 2005 goda v klube-literaturnom kafe Bilingua v ramkakh proekta «Publichnye lektsii «Polit.ru»* [Philosophy and literature. Lecture of Valeria Podoroga read on March 24, 2005 in the club-literary cafe Bilingua in the framework of the project "Public lectures" Polit.ru], available at: <http://www.polit.ru/lectures/2006/07/28/podoroga.html> (accessed 1 December 2009).
5. Ivanov-Razumnik R.V. *Istoriia russkoi obshchestvennoi mysli* [The history of Russian social thought]. Moscow, Terra, 1997, vol. 1, 416 p.
6. Arzamastseva I. *Russkaia kniga dlia «malen'kogo Seneki»* [Russian book for "little Seneca"], available at: magazines.russ.ru/nz/2008/2/ar12.html (accessed 1 August 2017).
7. Nosov N.N. *Priklucheniia Neznaiki i ego druzei* [The adventures of Neznaika and his friends]. Moscow, Detskaia literatura, 1980, vol. 2, pp. 5-150.
8. Nosov N.N. *Neznaika v solnechnom gorode* [Neznayka in sunny city]. Moscow, Detskaia literatura, 1980, vol. 2, pp. 151-410.
9. Nosov N.N. *Neznaika na Lune* [Neznayka on the moon]. Moscow, Detskaia literatura, 1981, vol. 3, 463 p.
10. Leonov L.M. *Russkii les* [Russian forest]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1955, 768 p.
11. Nosov N.N. *Puteshestvie Neznaiki v Kamennyi gorod* [The journey of Neznayka to Stone town], available at: <https://www.litmir.me/br/?b=135341> (accessed 1 August 2017).
12. AbdelRahim L. *Children's Literature, Domestication, and Social Foundation: Narratives of Civilization and Wilderness* (Routledge Interdisciplinary Perspectives on Literature). New York, London, Routledge, 2015, 264 p.

Получено: 10.10.2017

Принято к печати: 30.10.2017